

Н. В. Б у т ы л о в, Иноязычная лексика в мордовских языках. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Йошкар-Ола 2006. 379 с.

16 февраля 2007 г. на заседании диссертационного совета Д 212.116.01 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при Марийском государственном университете состоялась защита докторской диссертации Николая Васильевича Бутылова на тему «Иноязычная лексика в мордовских языках». Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор А. П. Кочеваткина (Саранск), А. Н. Куклин (Йошкар-Ола), Л. П. Водясова (Саранск).

В течение многовековых культурных, экономических, военно-политических и иных связей мордовского народа с другими этносами в мокшанский и эрзянский языки входило и укреплялось в них значительное количество иноязычных элементов лексики. Выявление их количества, выделение среди них наиболее крупных тематических групп, детальный анализ фонетической адаптации заимствований, их подчинения правилам мордовского словопроизводства и семантической системы важны как для мордовского языкознания, так и для социальной лингвистики. Иноязычные слова мордовских языков имеют значение и для этнологических исследований, ибо процесс контактов мордовского народа с его соседями сложен и требует

глубокого изучения и осмысления с разных точек зрения. Однако иноязычные слова мордовских языков не подвергались всестороннему лингвистическому и социолингвистическому анализу. Отдельные статьи по языковым взаимосвязям, о русских и тюркских заимствованиях мордовских языков не отличаются полнотою охвата материала, глубиной анализа и привлечением обширных диалектных данных. Поэтому актуальность исследования Н. В. Бутылова не вызывает сомнения.

Структура рецензируемой работы (379 с. компьютерного набора) отличается стройностью и логичностью. Исследование состоит из введения (с. 4—18), трех основных частей с подрубриками (с. 19—306), заключения (с. 307—313).

Библиографический список с сокращениями содержит 478 наименований (с. 314—349). Следует заметить, что в названиях отдельных источников имеются неточности и погрешности технического характера.

Работу завершают три приложения: 1) список условных сокращений и диакритических знаков из 81 наименования (с. 349—352); 2) список обследованных сел Республики Мордовии из 41 названия, пяти ойконимов из Пензенской об-

ласти, четырех наименований Самарской области и одного из Республики Татарстан (с. 352—353); 3) словари заимствований в мордовских языках содержат перечни тюркизмов (с. 353—375) и реестр индогерманизмов и иранизмов (с. 375—379) со ссылками на источники, где имеются этимологические объяснения других авторов. Несмотря на неполноту и неточность некоторых объяснений, они имеют определенную ценность.

Композиция работы подчинена достижению поставленной цели: выявление иноязычных слов в лексике мордовских языков; классификация заимствований и анализ их функционирования и сферы употребления; определение приблизительного времени вхождения иноязычных слов в словарный состав мордовских языков и показ особенностей их адаптации (с. 5).

Исследование проводилось на основе описательного (контекстуального анализа и лексикографического описания), сопоставительного и сравнительно-исторического методов, включающих традиционные подходы описания лексики, ее семантики, словообразования и т.д.

Теоретической и методологической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные общим вопросам языкознания, финно-угроведения и уралистики, тюркологии и индоевропеистики.

Во введении (с. 4—18) обосновывается выбор темы исследования, ее актуальность, формулируются цель и задачи работы; указываются источники и материалы; интерпретируются лингвистические методы и приемы, нацеленные на анализ иноязычных слов в историко-этимологическом плане, на описание их фонетического и морфологического освоения мордовскими языками; раскрывается научная новизна исследования, его практическая и теоретическая значимость (с. 4—9).

Сочтено целесообразным дать во введении историографию вопроса. Анализируя имеющиеся лексикологические работы по мордовским языкам, Н. В. Бутылов справедливо отмечает, что изучение словарного состава мордовских языков исследователями проводилось в

плане выявления русских и тюркских заимствований, с одной стороны, и, с другой — в плане сопоставления лексических общностей финно-угорских языков (с. 12).

Часть 1 «История изучения иноязычной лексики и теоретические вопросы заимствования» (с. 19—61) посвящена анализу имеющихся работ по теории заимствования в лингвистической литературе XVII—XX вв., определению степени освоения иноязычной лексики в языке и речи, выяснению причин иноязычных заимствований и их связей с дифференциальными признаками заимствований, характеристике этапов освоения иноязычной лексики.

Оценивая работу ученых конца XIX — начала XX в., Н. В. Бутылов подчеркивает, что основным объектом их исследований была лексика, поэтому заимствование рассматривалось и понималось не только как лексическое. Лингвисты, употребляющие понятия «заимствованное слово» и «проникшее слово», не едины в определении их содержания. Многие считают их семантику идентичной. Между тем эти понятия отнюдь не совпадают. Еще в начале 70-х годов XX столетия А. М. Рот обратил внимание на их семантическую нетождественность (Венгерско-восточно-славянские языковые контакты, Будапешт 1973, с. 24). Эта работа по какой-то причине не попала в поле зрения Н. В. Бутылова.

Часть II «Индоевропейские заимствования» (с. 63—197) состоит из трех разделов: «Индogerманские заимствования» (с. 63—83), «Иранские заимствования в мордовских языках» (с. 83—114), «Русские заимствования» (с. 115—197).

Рассматривая индогерманские заимствования, Н. В. Бутылов оперирует работами как индоевропейцев, так и финно-угроведов. Однако часть их явно устарела как в теоретическом, так и методологическом отношениях.

В индоевропеистике на протяжении длительного периода времени оставалась очевидной большая стимулирующая роль санскрита. Естественно поэтому, что при интерпретации смыслового содержания отдельных иноязычных

слов автор делает этимологические экскурсы в санскрит. Сомнения вызывает определение первоисточника отдельных иноязычных слов. Так, морд. *панга/панго* 'гриб', по мнению Н. В. Бутылина, восходят к древнеиранскому *банга 'растение и приготовленный из него наркотик' (с. 377). На самом деле, нет сколько-нибудь серьезных оснований отождествлять древнеиранское и мордовские слова по их чисто внешнему созвучию без учета их происхождения и семантического содержания.

В этимологическом плане морд. *панга/панго* могут быть сопоставлены с мар. *понго/понгы* 'гриб'. В родственных финно-угорских языках гриб называется по-разному, например, удм. *губи*, коми *тшак*, вепс. *señ*, эст. *seen*, фин., кар. *sieni* (*Fungi L. Mycetes*), восточносаам. *кўмпар*, манс. *лāхс*, хант. *толах/галах*, венг. *gomba*, сельк. *аксыл*, нен. *тудако*. Уместно вспомнить замечание Б. А. Серебренникова: «Если учесть то обстоятельство, что древние финно-угры не употребляли в пищу грибов, то первоначальным значением фин. *sieni* должно быть значение 'трутовик'», ср. приведенные им примеры: фин. *sieni* 'гриб', саам. *čadna ~ čana* 'гриб трутовик на березе', мар. *šen* 'трутовик', манс. *šeni, seeni*, хант. *sāñä* 'березовый гриб, трутовик' (Общее языкознание. Методы лингвистических исследований, Москва 1973, с. 61).

Марийское и мордовское название гриба возникло в период волжско-финской языковой общности, на что в свое время обратил внимание еще Д. Дечи (Gy. Décsi, Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Wiesbaden 1965). Следовательно, об ираноязычном названии гриба в мордовских языках не может быть и речи.

В этой связи интересно бы узнать, имеют ли гомогенные связи мордЭ *ватракиш* 'лягушка' и др. — греч. *βάτραχος* то же? Морд. *куд/кудо* 'дом, жилище', по мнению Н. В. Бутылина, исторически восходят к санскриту: *kota* 'дом, жилище', ср. герм. *gut* (с. 376). Однако в иранских языках встречаются формы, родственные латин. *casa*, ср. авест. *kanta, kata*, согдийск. *kud*. Они имеют зна-

чения 'ров, вал; город, дом'. Первые идут от глагола 'копать' (Общее языкознание. Методы лингвистической исследования, Москва 1973, с. 62).

При этимологизации иноязычных слов и восстановлении их архаических значений встречаются серьезные, иногда неразрешимые затруднения, как правило, в тех случаях, когда внеязыковые факторы не выявляются с достаточной определенностью. Настораживают и слова, фигурирующие в разряде иноязычных, но не имеющие этимологических экскурсов, т.е. не определены их язык-источник и язык-посредник. Последний обычно указывает на конкретные пути проникновения лексемы в мордовские языки и создает условия для объяснения некоторых ее фонетических, словообразовательных и семантических особенностей. Так, без этимологической интерпретации фигурируют такие слова, причисленные к индогерманским и иранским заимствованиям, как *каньф/кансть* 'конопля' (с. 376), *паро* 'хорошо' (с. 144, 377). Следует отметить, что эрз. *паро*, мокш. *пара* 'хороший, добрый' являются лексическим наследием финно-пермской языковой общности, ср. мар. *пуры, поро*, удм., комиЗ *бур* 'хороший, добрый', эст. *parem (parema)* 'лучше', *parim (parima)* 'самый лучший', фин. *parempi (paremman)* 'лучше', *paras (parhaan)* 'самый лучший' (Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков), Москва 1974, с. 431).

Что касается корня **kañ/kon* — в слове *конопля*, то он является основой названия этого растения у многих народов Европы, не только индоевропейской группы: ср. с тем же значением древне-верхненем. *hanaf* (нем. *Hanf*); перс. *kāñāb: kāñāf*; армян. *канар*. В неиндоевропейских языках ср. груз. *k'anapi* и др. Все эти названия конопли, как утверждает П. Я. Черных, восходят в конечном счете к некоему доисторическому названию, может быть, языка скифов. Это предполагаемое скифское слово, в свою очередь, по соображениям П. Я. Черных, является скрещенным словом. Первая часть его **kan-*: **kana-* сохраняется в ряде индоевропейских и

неиндоевропейских языков: осет. *gæp* (из *kan*); сван. *kan*; мар. *кӀне* и др. Вторая часть представлена совр. коми *пыш* (*piš*) 'конопля' (П. Я. Черных, Историко-этимологический словарь современного русского языка I. А — Пантомима, Москва 1994, с. 422).

Рассматривая иранские заимствования в мордовских языках (с. 83—88), Н. В. Бутылов оперирует исследованиями Б. Мункачи, Р. О. Якобсона, Й. Лехтисало, Э. Итконена, А. Абаева, А. Йоки и некоторых других. Однако инициалы некоторых ученых переименованы, ср. Е. Итконен вместо Э. Итконен (с. 87), Е. Сетеля вместо Э. Сетяля (с. 86).

В названиях венгерских работ имеются ошибки фактического характера: не обозначена долгота гласных.

Круг используемых источников можно было значительно расширить трудами как иранистов, так и финно-угроведов, например некоторыми работами Б. Мункачи.

По поводу скифского языка, автор констатирует, что скифский язык не оставил письменных источников, кроме нескольких собственных имен в греческой транскрипции (с. 101). Однако «Словарь скифских слов» с комментариями напечатан в книге «Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки» (Москва 1979, с. 276—358). Составители словаря привели некоторые важные группы слов, которые дошли до нас в скифских именах и названиях (с. 316—317). Так, в группе «Растения» фигурирует отмеченное *kana* 'конопля' (с. 316).

Индогерманские и иранские заимствования сгруппированы по лексико-семантическим признакам на тематические разряды: 1) человек и общество, 2) природа и животный мир, 3) материальная и духовная культура, 4) трудовая деятельность человека (с. 113—114). Некоторые лексемы в этих группах вызывают в этимологическом отношении сомнения, например, *паро* 'хорошо', *лопа* 'лист', *селей* 'вяз', *пяле/пель* 'половина' (с. 114).

Раздел «Русские заимствования» (с. 115—197) состоит из подрубрик: Предварительные замечания (с. 115—116), Ис-

торический фон русско-мордовских языковых контактов (с. 117—128), Периодизация русских заимствований (с. 128—133), Фонетическое освоение (с. 133—154), Морфологическое освоение русских заимствований (с. 154—162), Семантическое освоение русских заимствований (с. 162—166), Лексико-семантическая классификация русских заимствований (с. 166—173), Финно-угорский (мордовский) субстрат в русском языке (с. 173—175), Субстратные явления (с. 175—196), Выводы (с. 196—197).

По мнению рецензента, описание следовало бы начать с краткой характеристики восточнославянских языков.

Следует отметить, что эта часть работы богата ценными сведениями, большой интерес вызывает анализ многочисленных фонетических процессов в иноязычных словах, а также регулярных звукокорреспонденций и субституций.

Часть III «Тюркские заимствования» (с. 198—306). Принимая во внимание различный характер фонетического оформления тюркизмов, морфолого-семантические и географические критерии, историческую последовательность многовековых языковых контактов, тюркские заимствования в мордовских языках автор делит на три группы: 1) болгаро-чувашские заимствования; 2) татарские заимствования; 3) тюркские заимствования, вошедшие в мордовские языки посредством русского языка.

Что касается болгаро-чувашских заимствований, то их следует разграничивать. Ведущие чувашские ученые этногенетическую историю чувашского народа подразделяют на четыре этапа: 1) центральноазиатский; 2) северокавказский; 3) волжско-камский, связанный с формированием древнечувашской народности; 4) казанский. По мнению В. Иванова, анализ имеющихся сведений и выводы последних исследований позволяют считать, что болгарская (древнечувашская) народность постепенно формировалась в X—XII вв., однако она просуществовала в эпоху Золотой Орды до середины или даже до конца XIV — начала XV вв., т.е. до полного опустошения Булгарской земли. В XV — пер-

вой половине XVI в. сформировалась современная чувашская народность.

Что касается этнической дифференциации татар и башкир, т.е. народов, которые исторически тесно связаны с волжскими булгарами, то она завершилась относительно поздно, лишь в XIII—XVI вв. (В. И в а н о в, Этническая география чувашского народа. Историческая динамика численности и региональных особенностей расселения, Чебоксары 2005, с. 38—41). Поэтому булгаризмы избыточны в лексической системе чувашского языка, встречаются в значительном количестве в словарном составе татарского и башкирского языков. Они восприняты мордовскими языками в древнемордовский период их развития.

Кстати, четкой периодизации мордовских языков на определенные этапы их развития в работе нет, имеются лишь попутные замечания о некоторых из них.

Не приходится сомневаться вместе с тем, что в эпоху Золотой Орды в лексикон мордовских языков через тюркские языки или без них просачивались монголизмы, ср., например, эрз. *коволямс* 'жевать' ~ монг. *кеби* 'пережевывать'; мокш. *корам* 'двор' ~ монг. *гория* 'двор'; эрз. *шувльга* 'левша' ~ монг. *солагаи* 'левша'; эрз. *караул* 'стража' ~ монг. *хурал* 'стража'; эрз. *новтыне* 'недоуздок' ~ монг. *ногт, нохта* 'недоуздок'.

Рассматривая исторический фон контактов, автор отмечает особенности взаимосвязи финно-угорских языков Урало-Поволжья с тюркскими языками. По его мнению, в марийском языке влияние тюркских языков более значительно, чем в удмуртском (с. 199).

Однако к этому вопросу следует подходить дифференцированно. Так, по мнению Н. И. Исанбаева, из 3023 лексических единиц, имеющих в нашей личной картотеке, 2906 слов (или 96,1%) употребляются в восточномарийских говорах, 832 слова (27,5%) — в говорах лугового наречия, 265 слов (8,75%) — в горном, 180 (около 6%) — в северо-западном наречии. При этом 2136 (или 70,65%) татаризмов вошли в лексику лишь восточномарийских говоров, более

500 (около 17%) являются общими для лугового и восточного наречий, около 180 слов встречаются во всех основных диалектах — луговом, восточном и горном (Н. И. И с а н б а е в, Марийско-тюркские языковые контакты I. Татарские и башкирские заимствования, Йошкар-Ола 1989, с. 67).

Общее количество тюркских заимствований в удмуртском языке вместе с булгаризмами составляет, по данным И. В. Тараканова, около 2000 слов, а непроизводных основ — более 1400. В диалектах постоянного контактирования удмуртского народа с тюркоязычными народами процент употребления татарских заимствований почти в два раза больше, чем в диалектах северного, срединного и пограничного контактирования, вместе взятых. Конкретно в процентном отношении, по подсчетам И. В. Тараканова, они распределены следующим образом: 1) в периферийно-южных диалектах употребляется тюркизмов 49,7%; 2) в южных пограничных говорах — 37,1%; 3) в северных, срединных диалектах — 13,2% (И. В. Т а р а к а н о в, Заимствованная лексика в удмуртском языке. — Удмуртско-тюркские языковые контакты, Ижевск 1982, с. 51, 76—77).

В этой связи у рецензента возникает вопрос: сколько татаризмов бытует в эрзянском и в мокшанском языках? Другой вопрос: эрзяне или мокшане имели многовековые тесные культурно-экономические, политические связи с мишарями?

Вполне закономерен и такой вопрос: особенности каких мишарских говоров ясно прослеживаются в татаризмах мордовских языков: цокающего или чокающего? Имеют ли мордовские языки тенденцию удерживать указанные аффрикаты в своих татаризмах? Если нет, то какими звуками они субституируются на мордовской языковой почве?

Рассматривая ареалы распространения татарских диалектов, Н. В. Бутылов отмечает, например, Параньгинский р-н Карийской Республики (с. 262). Рецензент убежден, что такой республики в Урало-Поволжье никогда не было. Следует к тому же учитывать, что реки Зал

в Татарстане нет (с. 262). Имеется река Зай, тат. *Зэй*.

Автор отдельно рассматривает фонетические модификации тюркизмов, анализирует механизм их морфологической адаптации, прослеживает изменения в семантических блоках тюркских заимствований. Им определяются особенности взаимодействия исконных и чужеродных явлений, имеющих свою специфику в зависимости от языкового уровня, и выявляются общелингвистические тенденции освоения заимствованной лексики на основе комплексного подхода к анализируемому материалу.

Теоретическая часть работы завершается заключением (с. 306—313), содержащим умело сформулированные выводы по трем частям.

На основе анализа значительного фактического материала иноязычная лексика мордовских языков распределена по шести группам: 1) индогерманские заимствования; 2) иранские заимствования; 3) русские заимствования; 4) болгаро-чувашские заимствования; 5) татарские заимствования; 6) тюркизмы, вошедшие в мордовские языки через русский язык.

Н. В. Бутылов не без оснований подчеркивает, что основная масса татарских заимствований вошла в говоры мокшанского языка, а в эрзянских диалектах зафиксировано больше слов болгаро-чувашского происхождения. По интенсивности воздействия русский язык оказал на мордовские языки гораздо боль-

шее влияние, нежели индогерманские, иранские и тюркские языки.

В работе все же имеются стилистические погрешности (с. 28, 75, 80, 90, 107, 150), неточности в переводах слов тюркских языков (с. 221, 223, 226, 229), искажения инициалов ученых, см. автореферат: с. 8, 11, 13, 32, 39; орфографические описки (с. 4, 7, 13, 57, 86, 191, 250); опечатки (с. 34, 65, 69, 262), не имеющие существенного значения. Кроме того, в теоретической части встречаются некоторые спорные положения, побуждающие к дискуссии.

Отмеченные неточности, погрешности, а также отдельные недомолвки легко устранимы и не снижают общей положительной оценки работы.

Теоретические положения и иллюстративный материал исследования могут быть хорошим подспорьем при составлении учебных пособий по «Сопоставительной типологии финно-угорских и тюркских языков», «Сопоставительной грамматике русского и мордовских языков», «Мордовской диалектологии», «Общему языкознанию. Структурной и социальной типологии языков».

АНАТОЛИЙ КУКЛИН (Йошкар-Ола)

Address:
Anatolij Kuklin
Mari State Pedagogical University
E-mail: markaf@mgpi.mari.ru
Phone: +8362 455645